

Владимир УСПЕНСКИЙ

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК ВОЖДЯ

(фрагмент романа)

Часть вторая

3

В присутствии посторонних мы со Сталиным почти не разговаривали, Иосиф Виссарионович предпочитал не афишировать свое интеллектуальное подспорье, и это вполне естественно, я не видел ничего унижительного для себя. Разве при всех самодержцах, даже при всех президентах и прочих демократических главарях советники выходили когда-нибудь на первый план?! Они многое решали и решают, но их не видно.

Вспоминаю об этом в связи с неожиданным дневным вызовом в ЦК, в кабинет Иосифа Виссарионовича. Можно было предположить, будто случилось нечто из ряда вон выходящее. Я в общем-то был готов к любым сложным вопросам, но разве предугадаешь!

- Николай Алексеевич, такое имя – Растам Ц. о чем-нибудь говорит вам?
- Уж не тот ли офицер, который отличился в турецкой кампании?
- Как раз он, – не очень охотно подтвердил Сталин. – Что, действительно хорошо воевал?
- Известен личным мужеством и умелым руководством. Брусилов, помнится, ставил в пример.
- За пределами Грузии его знают?
- Даже больше, чем в Грузии: имя его было известно в армии.
- Тем хуже для нас, – сказал Сталин. – В Москву приехала его внучка, обратилась ко мне с просьбой.
- Если просьба выполняма...
- Это как смотреть, – раздраженно произнес Сталин (при мне он не сдерживался). – Её брат-офицер воевал у Деникина, замешан в делах грузинских националистов.
- Каждый идет своим путем, – осторожно сказал я, чтобы не накалять страсти. – Упорствует ли он в своих заблуждениях?
- Он уже ни в чем не упорствует. Эта женщина просит указать, где он похоронен.
- Всего-то? – невесело усмехнулся я.
- Там общая могила. Большая могила. И, конечно, без гробов. А женщина хочет увезти брата домой...
- Она очень настаивает?

– Вы не знаете грузинских обычаев. – Сталину неприятен был разговор, он злился, вместо «вы» у него получалось пронзительное «ви-и». – Соберутся родственники хоронить труп в родной земле, будет большой траур, много разговоров, много шума.

Раздражение Сталина передалось и мне. Я не мог взять в толк, почему такие деятели, как он, руководствуются не простыми человеческими понятиями порядочности, добра и зла, а обязательно подводят «классовую платформу». Ну, расстреляли врага, противника, это закономерно и понятно каждому: борьба идет. Отдали бы его тело родным, и вся недолга. Мертвый – уже не навредит. И я сказал Иосифу Виссарионовичу:

– Женщина приехала издалека, движимая естественными чувствами, зачем же чинить помехи?

– Не хочу обращаться к Дзержинскому, – поморщился Сталин. – Мы с ним не слишком большие друзья...

Да уж, конечно! Не так давно Дзержинский в запальчивости сказал о Сталине: «Откуда взялся в нашей партии этот политический уголовник?!..» Перегнул палку Феликс Эдмундович. Естественно, что Иосиф Виссарионович, не прощавший обид, тоже пускал ядовитые стрелы в адрес Дзержинского. Но разговор об этом увел бы нас далеко в сторону.

– Поручите хлопоты мне, – предложил я. – Возьмусь за них хотя бы ради того, чтобы избавить женщину от оскорблений и колкостей. Элементарную вежливость у нас забыли в пылу справедливой борьбы.

– Ваша ирония сейчас не обязательна, – сказал Сталин. – Помогите ей, чем сумеете, – Иосиф Виссарионович явно доволен был, что избавился от неприятной заботы.

У меня было достаточно знакомых в высоких инстанциях, через которых я быстро навел справки и выяснил все возможности. В тот же вечер встретился с женщиной в приемной ЦК. Помещение для посетителей было унылое, с казенной мебелью, стены бурого цвета. Женщина стояла возле окна, глядя в темные стекла. То ли черный плащ, то ли монашеская накидка на ней, скрывавшая всю фигуру от плеч и почти до щиколоток, сзади видны были только густые волосы, собранные в большой пучок. На висках – седина. Это не казалось странным, пока она не повернулась лицом. Усталой, изможденной женщине было никак не более двадцати пяти лет. И сколько седых волос! Бездна в её глазах, казавшихся особенно большими в обводах синевы от утомления и недосыпа. Передо мной была одна из «бывших», одна из тех, кто испил в последние годы полную чашу унижений, кто и жил-то теперь неизвестно как и всё же не был сломлен, не был растоптан! Эта молодая женщина, хрупкая, бледная до прозрачности, она ведь приехала в далекую Москву не для себя, ради мертвого брата. Экономит каждую копейку, в трамвае, наверное, не ездит, не то что на извозчике. Трудно понять, что толкнуло меня – поздоровавшись и представившись, вдруг сказать:

– Pour moi c'est un devoir de vous aider¹.

В голосе моем прозвучало самое обычное сочувствие, от которого она, вероятно, отвыкла, которого никак не ожидала встретить здесь. Посмотрела на меня снизу вверх, удивленно, с радостной растерянностью, будто нашла что-то хорошее и еще опасалась верить в такую находку. Прозвучал торопливый вопрос:

¹ Считаю своим долгом помочь Вам (франц.).

– Vous etes officier, n'est pasce?²

– Oui, madame³.

Вот ведь как случается: несколько фраз – и мы прониклись взаимным доверием, и ничего больше не требовалось объяснять. Было вполне естественно, что я отправился проводить её. Долго шли по темным улицам, она остановилась у знакомых за Белорусским вокзалом. Назвалась она Катей, Екатериной Георгиевной. Потом уж, через неделю, когда я решился пригласить её к себе на чай, она объяснила: настоящее имя Кето, но это ей не очень нравится, а в Москве она даже стеснялась представляться Кето Георгиевной. Ну, а для меня-то, тем более по первому знакомству, осталась Катей, с этим именем вошла в мое сердце.

4

Напомню: Владимир Ильич предлагал обдумать способ перемещения Сталина с поста генерального секретаря, чтобы выдвинуть вместо него другого человека, который был бы более терпим, лоялен, более внимателен к товарищам, менее капризен и т. д. Считаю, что Ленин имел при этом в виду совершенно определенную кандидатуру. И вряд ли ошибусь, назвав Михаила Васильевича Фрунзе – другого столь достойного товарища просто трудно представить. Жизнь, революция без спешки, но очень уверенно выдвигали его на самый первый план.

Как говорится, всем он взял. Верный соратник Ленина. Боевик-подпольщик. Эрудированный марксист с большим опытом организационной работы. Интеллигентный, образованный человек. (Интересно, что еще в 1903 году гимназист Миша Фрунзе с двумя товарищами совершил поход вокруг озера Иссык-Куль, при этом были собраны около семисот видов растений, занявших полторы тысячи гербарных листов. Колоссальный труд! Сия коллекция и донныне хранится в Ботаническом институте Академии наук СССР). Владел английским, французским, немецким языками. Вежливость сочеталась в нём с твердой принципиальностью. Презируя грубость, высокомерие, хамство, он говорил, что эти низменные категории не имеют ничего общего с решительностью и требовательностью.

Михаил Васильевич – герой Перекопа, блестяще завершивший эту операцию Гражданской войны.

Для партии особо важным был в ту пору национальный вопрос: Фрунзе выделялся и в этом отношении. Живое воплощение дружбы народов. Наполовину русский, наполовину молдаванин. Долго жил в Средней Азии, а среднеазиатский узелок являлся одним из труднейших. И на Украине работал Фрунзе, там его знали, уважали, делегировали на Объединительный съезд СССР, где он оказался ведущим деятелем при рождении Союза равноправных республик.

Очень высок был авторитет Михаила Васильевича среди военных. И не только благодаря успехам на фронте. Он первым после гражданской войны начал выступать с предложениями по поводу строительства новой регулярной армии. Горе-теоретики кричали, что любые вражеские войска рассыплются в столкновении с нами из-за классовой солидарности рабочих и крестьян. Фрунзе же, наоборот, утверждал, что легких побед не будет, сражения впереди ожесточенные. Поэтому армия наша должна быть массовой, хорошо обученной, хорошо вооруженной. Спасибо Михаилу Васильевичу за то, что он, не жалея сил, отстаивал этот правильный путь. Причем убедительно отстаивал... Срав-

² Вы офицер?

³ Да, мадам.

ните его выступления с выступлениями хотя бы Ворошилова: они защищали одни позиции, но сколь велика разница. У Климента Ефремовича – призывы да пламенные слова укреплять армию, он нажимал на революционный дух, на пролетарскую сознательность. Вел одну ноту: при царе было плохо, теперь – хорошо. Обороняй новую жизнь! Но, увы, на лозунгах далеко не уедешь. Иной раз даже вредны голые лозунги без учета конкретных обстоятельств. А Фрунзе рассуждал здраво. Вот, например, его слова, показавшиеся тогда странными многим товарищам, но не потерявшие практической ценности и по сию пору: «Современное военное дело, характеризующееся широким применением техники, крайне сложно. Помимо умения и сознательности, оно требует от каждого бойца ловкости, сноровки, расторопности и отчетливости в действиях. Исполнение уставных требований с “прохладцей” и “с развальцей” – верный путь к поражению. Вот почему всякий, кто приравнивает бездушную муштровку старой царской армии, либо ничего не смыслит в военном деле, либо просто – враг и предатель...»

Крепкий это был удар по демагогам, прикрывавшим революционной фразой свою неспособность обучать войска.

Иосиф Виссарионович полностью разделял взгляды Фрунзе, поддерживал его усилия по строительству Красной армии. Правда, Сталин ревниво относился к быстрому выдвиганию Михаила Васильевича на политической арене, но это уже другая, личная сторона. Беспокоило Иосифа Виссарионовича и то, что самые надежные друзья его, Ворошилов и Буденный, всё больше сближались с Фрунзе, относясь к нему с почтением. Знали ведь, как расположен к нему Владимир Ильич. Насколько искренен при этом был Ворошилов – утверждать не берусь, но Буденный не очень-то умел скрывать свои чувства. С Фрунзе он связывал надежды на будущее: Михаил Васильевич, со своей стороны, тоже ценил «народного маршала» и помогал ему. Кстати, Фрунзе числил себя по кавалерии, носил синие петлицы и шпоры.

В начале 1925 года при активном участии Сталина группа полководцев-большевиков разом и окончательно отстранила от армии Троцкого и взяла на себя заботу по реорганизации и укреплению Вооруженных Сил. Председателем Реввоенсовета СССР и Наркомвоенмором стал Михаил Васильевич Фрунзе, а его заместителем – Климент Ефремович Ворошилов. В состав нового Реввоенсовета, наряду с другими товарищами, вошли Тухачевский, Орджоникидзе, Буденный, а затем и Егоров: то есть люди, которые отличились на фронтах Гражданской войны и были хорошо знакомы как Фрунзе, так и Сталину. Троцкому оставалось только проглотить эту пилюлю: на стороне Сталина была и политическая и военная сила, буденновские дивизии готовы были по первому распоряжению вступить в Москву, а в руках Ворошилова находился столичный военный округ.

То, о чем давно мечтал Иосиф Виссарионович, произошло. Правда, не совсем так, как хотелось: Троцкого-то отстранили, однако Красная армия не стала еще послушным орудием в руках Сталина, её возглавлял хоть и единомышленник, но человек твердых правил, решительный, смелый, пользовавшийся в стране и в партии не меньшим авторитетом, чем Генеральный секретарь. И вот тут начались события, представлявшиеся мне странными. Понять их трудно было даже тогда, а теперь, спустя время, вообще вряд ли кто-нибудь разберется.

Привязанность Климента Ефремовича к своему непосредственному начальнику возросла вдруг до невероятных пределов. Жили они в одном доме, в одной машине ездили на службу, вместе бывали в войсках, вдвоем упражнялись в верховой езде и стреляли в тире, рядом сидели в президиумах. Было

такое впечатление: если они расстанутся, то лишь на ночь. Фрунзе был слаб здоровьем, его мучила язва желудка, физические перегрузки, нарушение режима питания очень вредили ему, но, несмотря на это, Ворошилов каждый свободный день использовал для того, чтобы увлечь «друга Мишу» на охоту, в леса и болота, к похлебке из котелка, которую даже здоровый желудок не всегда выдерживает.

К месту будь сказано: такое увлечение охотой было у Климента Ефремовича кратковременным и угасло, едва он лишился партнера.

Только по счастливой случайности, как принято говорить, Ворошилов не оказался рядом с Фрунзе как раз в тот момент, когда Михаил Васильевич попал в автомобильную катастрофу. Всегда вместе, а тут повезло Ворошилову, отвлекли какие-то дела.

Михаил Васильевич отделался ушибами. Врачи рекомендовали постельный режим, детальное обследование, но Климент Ефремович убедил друга, что лучшее лекарство – пребывание на природе. Как было не поверить такому доброхоту: еще недавно, 31 января 1924 года, Ворошилов сделал на Пленуме ЦК партии обстоятельный, проникнутый подлинной заботой доклад об охране здоровья руководящих кадров. Вот он и укреплял здоровье Фрунзе, увлекши его на охоту в болотистую глухомань за сто верст от Москвы. А там какой режим для язвенника?

Потом, правда, выпал небольшой перерыв. Климент Ефремович уехал в Крым, в Мухалатку, где отдыхал Сталин. Проведя вместе несколько дней и обстоятельно обсудив все проблемы, они пригласили к себе и Михаила Васильевича. Было начало сентября, бархатный сезон, самое хорошее время. Только охота была тогда неудачной. Ворошилов и Фрунзе карабкались по склонам крымских гор, пробирались каменистыми расселинами в дальние леса. Приезжали без добычи, совершенно измотанные, но довольные. А во дворце охотников ожидал роскошный стол с батареей разнообразных бутылок. При виде такого удовольствия даже самый заядлый трезвенник не удержался бы от искушения.

Возвращение в Москву было для Михаила Васильевича трагическим. Он не ехал, его везли: медицинская сестра не позволяла вставать с постели. Однако в столице, отдохнув, он почувствовал себя лучше и с удивлением узнал, что на 29 октября ему назначена операция. Вот что сообщал он жене, оставшейся в Крыму: «Когда ты получишь это письмо, в твоих руках будет уже телеграмма, извещающая о результатах. Я сегодня чувствую себя абсолютно здоровым, и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили её делать. Лично этим решением удовлетворен. Пусть уж раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть...»

Много различных слухов ползало тогда после смерти Фрунзе. Не буду напоминать их. Как у артиллеристов прежде был обязательный закон: не вижу – не стреляю, так и я не хочу и не могу утверждать или отрицать то, чего не видел своими глазами, о чем не имею собственного твердого мнения. Скажу только, что Сталин очень колебался, прежде чем дал разрешение на операцию. Интересовался врачами, ассистентами, различными подробностями. Я не придавал этому значения: случалось и раньше, что Иосиф Виссарионович переживал за кого-то из больных товарищей. Помню, что оперировали Фрунзе в Солдатенковской больнице. Остальное – смутно... Мы с Иосифом Виссарионовичем в каком-то полуосвещенном зале с рядами стульев, с возвышением для президиума. Клуб или помещение для заседаний? Шла операция, а мы в этом пустом зале. Очень взволнованный Сталин шагал по проходу мимо стульев. Метался, как в клетке, словно обуянный сомнениями. Часто сморкался. Задерживаясь

возле меня, смотрел невидящими, будто обращенными вовнутрь глазами. И вдруг сказал, словно прося совета:

– Еще не поздно! Еще можно остановить!

В чем он сомневался? Что его мучило? Какую грань боялся переступить?

Не я один был в том помещении, не я один слышал вырвавшиеся у Сталина слова. Они дали повод для различных, даже самых крайних, предположений и толкований. Один известный в свое время писатель утверждал, что смертельный исход операции был предусмотрен заранее.

Через двое суток Михаил Васильевич скончался. Официально объявили: от паралича сердца. А было ему всего сорок лет, и на сердце он прежде не жаловался.

Климент Ефремович написал тогда статью «Памяти дорогого друга», в которой говорил о важных делах, начатых Фрунзе и требовавших продолжения, развития. А еще через несколько дней, 6 ноября 1925 года, Ворошилов назначен был на ту должность, которую занимал Михаил Васильевич – на самый высокий военный пост в нашей стране. Отныне и на долгие пятнадцать лет стал он Народным комиссаром, ведавшим вопросами обороны, самым надежным и послушным помощником Иосифа Виссарионовича. Под руководством Климента Ефремовича готовились наши войска ко Второй мировой войне и вступили в неё.

Сталин и Ворошилов сохранили светлую память о Фрунзе – он ни в чём не помешал им. Климент Ефремович взял к себе детей Михаила Васильевича – Татьяну и Тимура; он и Екатерина Давыдовна станут воспитывать их наравне с другим приемным сыном – Петром.

Кто особенно переживал смерть Михаила Васильевича, так это Буденный. Смелый он человек, отчаянный, но кончина Фрунзе вроде бы напугала его. Мне еще предстоит сказать о Семене Михайловиче и хорошие, и горькие слова, а сейчас хочу лишь выделить неколебимое упрямство, с которым Буденный всегда повторял: «В газетах сообщили, что Михаил Васильевич скончался от сердца». Это вот: «в печати сообщалось» или «в газетах сообщалось» он выделял обязательно, будто подчеркивал: не его слова, не его мнение. Где грань? Лучше уж не вступать в это неопределенное, смутное дело, где почти нет фактов, одни эмоции.

5

Закономерность очевидна: чем больше неприятностей было у Сталина, чем хуже он себя чувствовал, тем чаще появлялся на нашей квартире. Самолюбие не позволяло ему показываться перед людьми (даже перед близкими, даже перед женой) утомленным, разбитым, больным. А здесь Иосиф Виссарионович, укрывшись ото всех, наедине или вдвоем со мной полностью расслаблялся, отдыхал, набирался душевных сил. Николай Сергеевич Власик позаботился о том, чтобы квартира наша осталась никому не известной. И о безопасности тоже. В проходном дворе появилась кирпичная стена, наглухо отгородившая подъезд, которым пользовался только Сталин. Возле подъезда или около арки постоянно дежурил дюжий «дворник» с военной выправкой.

Однажды Иосиф Виссарионович приехал рано, еще засветло, но настолько усталый, настолько измочаленный, что едва доплелся до своего любимого места, до небольшого столика у окна, где всегда стояла бутылка вина и ваза с фруктами. Снял и повесил на спинку стула китель, оставшись в солдатской бязевой рубашке, далеко не первой свежести, зажелтевшей под мышками. Мне стало жаль его: измученного, огорченного, неухоженного. И шевельнулась неприязнь к Надежде Аллилуевой: куда же она смотрит, полная сил и энергии молодая женщина!

Опустившись на стул, Иосиф Виссарионович выпил несколько глотков вина, внимательно, будто впервые, осмотрел комнату, произнес с наигранной бодростью:

– Неплохая квартира... А что, Николай Алексеевич, если я поселюсь здесь всей семьей, с женой и детьми? Но без Власика. Поместимся?

– И вас уплотняют? Неужели вы нарушили партмаксимум? – не удержался я от сарказма. – Тесновато вам будет.

– Я-то привычный, – коротко взмахнул он рукой. – Но Надежда Сергеевна, Василий, Яков...

– Да вы что, Иосиф Виссарионович, всерьез, что ли?

– Абсолютно серьезно, Николай Алексеевич. Хватит, завтра буду просить ЦК, чтобы освободили меня от обязанностей Генерального секретаря. Думаю, освободят и с этого поста, и со всех других.

– Да вы ведь уже просили об этом, после тринадцатого съезда партии, если не ошибаюсь.

– Да, просил, но тогда категорически отказали. А теперь я буду категорически настаивать на своем!

– Но почему, что случилось?

– Они мешают мне работать. И Троцкий, и Зиновьев, и все их последователи занимают очень выгодную позицию. Никто не хочет принимать на себя ответственность, никто не желает везти тяжелую практическую телегу. Пусть везет Сталин. Пусть он надрыгается, пусть кряхтит, этот ишак! А они только критикуют, они только смотрят со стороны. Они подхлестывают критикой, они обсуждают правильность пути, они указывают дорогу, а ишак вези, спотыкайся, ошибайся. Тебя же и носом ткнут в твои ошибки... Бухарин вернулся из эмиграции тощий, как голодный щенок, а сейчас больше ста килограммов... Раздобрел на революции, при спокойной жизни. Но Сталин им не ишак, нет! Я завтра же потребую освобождения!

– А если откажут?

– Если откажут... Если они захотят продолжать эту игру, – в прищуренных глазах засветилась злость, – то пускай пеняют на себя. Хватит церемониться с теми, кто раскачивает государственную повозку то вправо, то влево. Мы пойдем вперед самой прямой, самой короткой дорогой. И пусть не жалуются, если попадут нам под колесо...

Вот такой примерно состоялся у нас разговор. Иосиф Виссарионович упоминал о том, что его опять упрекают, будто бы он скрыл от партии и от народа так называемое «завещание» Ленина с нелестным отзывом о нём, Сталине. Подобные упреки звучали и в дальнейшем, особенно после смерти Иосифа Виссарионовича. Да неправда же, ничего он не скрывал! Чтобы этот вопрос был полностью ясен, давайте прочитаем первую часть речи Сталина на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 года. Выступление это интересно еще и тем, что раскрывает взаимоотношения Сталина и Троцкого. И, к тому же, дает ясное представление о стиле речей Иосифа Виссарионовича, об ораторских качествах, о его логике, о его способности убеждать слушателей.

«Товарищи! У меня времени мало, поэтому я буду говорить по отдельным вопросам.

Прежде всего о личном моменте. Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалея сил. Это меня не удивляет, товарищи. Тот факт, что главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает, лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так-то легко, и вот они направляют удар прежде всего против Сталина. Что ж, пусть ругаются на здоровье.

Да что Сталин, Сталин человек маленький. Возьмите Ленина. Кому не известно, что оппозиция во главе с Троцким во время Августовского блока вела еще более хулиганскую травлю против Ленина. Послушайте, например, Троцкий: "Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении" (см. "Письмо Троцкого Чхеидзе" в апреле 1913 г.).

Язычок-то, язычок какой, обратите внимание, товарищи. Это пишет Троцкий. И пишет он о Ленине.

Можно ли удивляться тому, что Троцкий, так бесцеремонно третирующий великого Ленина, сапога которого он не стоит, ругает теперь почему зря одного из многих учеников Ленина – тов. Сталина.

Более того, я считаю для себя делом чести, что оппозиция направляет всю свою ненависть против Сталина. Оно так и должно быть. Я думаю, что было бы странно и обидно, если бы оппозиция, пытающаяся разрушить партию, хвалила Сталина, защищающего основы ленинской партийности.

Теперь о "завещании" Ленина. Здесь кричали оппозиционеры, – вы слышали это, – что Центральный Комитет партии "скрыл" "завещание" Ленина. Несколько раз этот вопрос у нас на пленуме ЦК и ЦКК обсуждался, вы это знаете. (Голос: "Десятки раз"). Было доказано и передоказано, что никто ничего не скрывает, что "завещание" Ленина было адресовано на имя XIII съезда партии, что оно, это "завещание", было оглашено на съезде (голоса: "Правильно!"), что съезд решил единогласно не опубликовывать его, между прочим, потому, что Ленин сам этого не хотел и не требовал. Всё это известно оппозиции не хуже всех нас. И тем не менее оппозиция имеет смелость заявлять, что ЦК "скрывает" "завещание".

Вопрос о "завещании" Ленина стоял у нас – если не ошибаюсь – еще в 1924 году. Существует некий Истмен, бывший американский коммунист, которого изгнали потом из партии. Этот господин, потолкавшись в Москве среди троцкистов, набравшись некоторых слухов и сплетен насчет "завещания" Ленина, уехал за границу и издал книгу под заглавием "После смерти Ленина", где он не щадит красок для того, чтобы очернить партию, Центральный Комитет и Советскую власть, и где всё стоит на том, что ЦК нашей партии "скрывает" будто бы "завещание" Ленина. Так как этот Истмен находился одно время в связях с Троцким, то мы, члены Политбюро, обратились к Троцкому с предложением отмежеваться от Истмена, который, цепляясь за Троцкого и ссылаясь на оппозицию, делает Троцкого ответственным за клевету на нашу партию насчет "завещания". Ввиду очевидности вопроса Троцкий действительно отмежевался от Истмена, дав соответствующее заявление в печати. Оно опубликовано в сентябре 1925 года в № 16 "Большевик".

Позвольте прочесть это место из статьи Троцкого насчет того, скрывает ли партия и ее ЦК "завещание" Ленина или не скрывает. Цитирую статью Троцкого:

"В нескольких местах книжки Истмен говорит о том, что ЦК "скрыл" от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого "завещания" и пр.); это нельзя назвать иначе как клеветой на ЦК нашей партии. Из слов Истмена можно делать тот вывод, будто Владимир Ильич предназначал эти письма, имевшие характер внутриорганизационных советов, для печати. На самом деле это совершенно неверно. Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и её съезду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения,

само собою разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии, и если не все эти письма напечатаны, то потому, что они не предназначались их автором для печати. Никакого “завещания” Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого “завещания”. Под видом “завещания” в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. Всякие разговоры о скрытом или нарушенном “завещании” представляют собою злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии” (см. статью Троцкого “По поводу книги Истмена “После смерти Ленина”, “Большевик” № 16, 1 сентября 1925 г., стр. 68).

Кажется, ясно? Это пишет Троцкий, а не кто-либо другой. На каком же основании теперь Троцкий, Зиновьев и Каменев блудят языком, утверждая, что партия и ее ЦК “скрывают” “завещание” Ленина? Блудить языком “можно”, но надо же знать меру.

Говорят, что в этом “завещании” тов. Ленин предлагал съезду ввиду “грубости” Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту Генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании пленума ЦК после XIII съезда просил пленум ЦК освободить меня от обязанности Генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту.

Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убежал и не имею права убежать, ибо это было бы дезертирством. Человек я, как уже раньше об этом говорил, подневольный, и когда партия обязывает, я должен подчиниться.

Через год после этого я вновь подал заявление в пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту.

Что же я мог еще сделать?

Что касается опубликования “завещания”, то съезд решил его не опубликовать, так как оно было адресовано на имя съезда и не было предназначено для печати.

У нас имеется решение пленума ЦК и ЦКК в 1926 году о том, чтобы просить разрешение у XV съезда на напечатание этого документа. У нас имеется решение того же пленума ЦК и ЦКК о напечатании других писем Ленина, где Ленин отмечает ошибки Каменева и Зиновьева перед Октябрьским восстанием и требует их исключить из партии⁴.

Ясно, что разговоры о том, что партия прячет эти документы, является гнусной клеветой. Сюда относятся и такие документы, как письма Ленина о необходимости исключения из партии Зиновьева и Каменева. Не бывало никогда, чтобы большевистская партия, чтобы ЦК большевистской партии боялись правды.

⁴ Ленин В. И. «Письмо к членам партии большевиков» и «Письмо в Центральный Комитет РСДРП» (см. Сочинения, изд. 3. т. XXI, стр. 350–352, 353–356).

Сила большевистской партии именно в том и состоит, что она не боится правды и смотрит ей прямо в глаза.

Оппозиция старается козырять “завещанием” Ленина. Но стоит только прочесть это “завещание”, чтобы понять, что козырять им нечем. Наоборот, “завещание” Ленина убивает нынешних лидеров оппозиции.

В самом деле, этот факт, что Ленин в своем “завещании” обвиняет Троцкого в “небольшевизме”, а насчет ошибки Каменева и Зиновьева во время Октября говорит, что эта ошибка не является “случайностью”. Что это значит? А это значит, что политически нельзя доверять ни Троцкому, который страдает “небольшевизмом”, ни Каменеву и Зиновьеву, ошибки которых не являются “случайностью” и которые могут и должны повториться.

Характерно, что ни одного слова, ни одного намека нет в “завещании” насчет ошибок Сталина. Говорится там только о грубости Сталина. Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина»...

Напомню, что речь эту Иосиф Виссарионович произнес в 1927 году. А последний раз это выступление публиковалось в 10-м томе его сочинений, который увидел свет в 1950 году. Из этого следует простой вывод: ни до войны, ни после нее Иосиф Виссарионович не скрывал от партии и народа «завещание» Ленина. Все упреки по этому поводу в адрес Сталина – досужая выдумка, если не сказать больше. На его совести много грехов, зачем же приписывать еще и этот, заведомо ложный!

6

Любовь к Кате пришла ко мне как благодатный ласковый дождь после долгой изнурительной засухи. Много лет я был одиноким, очерствел и оскудел душевно, может быть, даже постарел не по возрасту, а вспыхнувшее вдруг чувство согрело меня, пробудило всё лучшее, размягчило, омолодило и вернуло ощущение многоцветности, многогранности жизни. И с ней, с Катей, произошло нечто подобное. Потеряв брата, еще раньше потеряв жениха, она лишилась самых близких людей, сердце её надолго опустело и охладело: её-то сердце, оказавшееся таким щедрым, таким богатым! На людях моя горянка казалась слишком уж строгой и замкнутой, тяжелые годы совершенно отучили её смеяться; она и улыбалась-то редко, только лишь мне. Но как лучились, как сияли при этом её чудесные глаза: темные, глубокие и зовущие. Она отдала мне свою честь, свою нерастрченную любовь. Мы обрели друг друга в большом и холодном мире – этим сказано всё.

Иосиф Виссарионович, разумеется, знал о переменах, которые произошли у меня, однако тактично разговор по этому поводу не заводил. Он теперь реже бывал на нашей общей квартире, дверь между нашими половинами почти не открывалась. Мне было тягостно думать, что я стесняю Иосифа Виссарионовича, лишаю его возможности отдохнуть или поработать в полной изоляции. И еще: волновало меня не то, что брат Кати расстрелян ЧК, а как относится к этому Сталин, не компрометирует ли его наше соседство. Выбрав удобный момент, я спросил, нужно ли мне переехать на другую квартиру.

– А чем вас не устраивает старая? – пытливо глянул Иосиф Виссарионович. – Вам тесно в двух комнатах?

– Меня и Катю устраивает всё. О вас беспокоюсь.

– Не надо тревожиться обо мне. – Легкая улыбка скользнула у него под усами. – Я не против настоящего положения. Вот когда у вас пойдут дети, тогда посмотрим... От маленьких детей много крика. Выдержит ли наша стена?

– Спасибо.

– Я очень рад, Николай Алексеевич, что вы нашли достойную женщину. Грузинские мужчины часто привлекательны, крупные черты лица придают им мужественный вид, даже заведомым трусам, – усмехнулся Сталин.

– И, наоборот, крупные черты лица не украшают грузинских женщин, огрубляют их внешне; они редко выглядят красивыми даже смолodu и быстро стареют. Грузинская

женщина некрасива, но она прекрасна, можете мне поверить. Сколько в ней чистоты, преданности, большого ума. Грузинская женщина держит на себе всю семью... Впрочем, я могу быть пристрастным.

– Будьте, – сказал я. – Ведь я тоже пристрастен. Я люблю Екатерину Георгиевну и выполню одну её просьбу, но предварительно хочу посоветоваться с вами.

– Пожалуйста, – сказал Сталин. – Мою первую жену, мать Якова, тоже звали Екатериной. Такое вот совпадение, – потрянул головой, будто отгоняя подступившие воспоминания. – Какой совет вам нужен, Николай Алексеевич?

– Катя хочет венчаться в церкви. Она христианка, я тоже.

– Разве вы верующий? – приподнялась, изогнувшись, бровь Сталина.

– Общепринятый обычай. Катя столько пережила, что теперь боится... Уверена, что церковь принесет нам счастье.

– Ну, что же, – произнес, подумав Иосиф Виссарионович. – Мы не одобряем религию, мы боремся с церковными пережитками, мы воюем за благополучие людей на земле, а не на сомнительном том свете, но церковные обряды у нас не запрещены... Екатерину Георгиевну не следует сейчас же перевоспитывать, но постарайтесь убедить её, чтобы не крестила ребенка.

– Думаю, что она согласится, но при условии, Иосиф Виссарионович, – улыбнулся я. – Если вы будете на гражданском обряде.

– Чтобы я был крестным отцом?! – понял и засмеялся Сталин. – Что значат слова, никуда от них не уйдешь. Крестный отец, опять «крест»... Нам не только обряды, но и слова придется менять. А пока договорились, Николай Алексеевич, за мной дело не станет. Только чтобы вы с ней не подкачали. Так и передайте Екатерине Георгиевне.

7

Всегда я очень тревожился, если Иосиф Виссарионович становился вдруг слишком спокойным и сдержанным, скрывая свое раздражение, свой гнев. Чем хладнокровнее, инертней он выглядел, тем сильнее было внутреннее давление. Ладно, если накопившееся напряжение просочится через какую-нибудь отдушину, не вызвав взрыва, чреватого опасными последствиями – особенно у человека, отмеченного большой властью.

Несколько ночей подряд Сталин провел вдруг на нашей квартире. Приезжал поздно, сразу ложился спать. В одиннадцать дня за ним приходила машина. Можно было догадаться – у него очередная неприятность в семье. Я выяснил: была ссора, и Надежда Сергеевна, забрав детей, уехала к своему отцу в Ленинград.

Сталин был настолько взвинчен, что никого не хотел видеть, перестал пользоваться услугами цирюльника, брился сам.

Власик пришел утром на мою половину, сказал испуганно:

– Уж больно он странный, Николай Алексеевич! Стоит у зеркала с бритвой и будто окаменел. Вода стынет, три раза менял, а он только правую щеку выбрил.

Сталин действительно находился возле зеркала. Скособочившись, подняв руку с бритвой до подбородка, он смотрел на себя тусклыми, желтоватыми глазами и, кажется, ничего не видел.

– Добрый день! – громко произнес я.

Он медленно повернул голову, глянул недовольно, сказал со злой иронией:

– Еще один Никола-угодник... (Власика ведь тоже звали Николаем.)

Ну, насчет угодника было слишком даже для Сталина.

– Кто давал вам право так говорить со мной? Я никогда никому не угрожал и не буду! – Голос мой прозвучал отрезвляюще резко.

– А кто мне может не дать право? – скривились губы Иосифа Виссарионовича.

– Я!

– Каким образом?

– Вызову на дуэль.

– Вы это серьезно? – кажется, он очухался.

– Вполне.

– Но это невозможно! – Да, судя по улыбке, Сталин пришел в себя. – Вас немедленно арестует Власик (тот, дуболом, принял стойку, как хищник перед прыжком).

– Это вопрос чести. Значит, вы боитесь! – продолжал я не щадить его.

У Сталина бешено сверкнули и сразу просветлели глаза. Сдержался. Положив бритву, всем корпусом повернулся ко мне. Произнес вполне осмысленно, рассудительно, даже с юмором:

– Нет, я не боюсь. Но для дуэли мне требуется разрешение Центрального Комитета партии. Могут не дать.

– Надежная защита.

– Но что же мне делать? – пожал плечами Сталин: разговор явно заинтересовал его.

– Сесть к столу и написать вашей жене в Ленинград. Теплое хорошее письмо. Сообщите Надежде Сергеевне, что намерены приехать за ней.

– Почему я должен первым? Она ушла сама, увезла грудного ребенка...

– Мы мужчины, Иосиф Виссарионович. И вообще, первый шаг к примирению всегда делает тот, кто умней.

– Разве что так... – в голосе Сталина звучало явное облегчение. – Но мне трудно писать. Лучше я позвоню ей. Скажу, что сам приеду за ними.

– Как хотите. Однако сегодня я вас никуда не пушу, а на завтра вызову сюда врача.

– Какого врача? – не понял он.

– Невропатолога, – жестко сказал я. – Владимира Михайловича Бехтерева. Он крупнейший специалист.

Сталин сразу как-то обмяк под моим требовательным взглядом, бесильно повисли вдоль туловища руки. Произнес сдавленно:

– Пусть осмотрит дома... Но не сейчас, а когда вернется Надежда. Тогда я буду чувствовать себя лучше.

На том и порешили.

Через несколько дней жена Иосифа Виссарионовича возвратилась в Москву, и в их семье на некоторое время восстановилось относительное спокойствие. Но лишь на некоторое...

Трудно, невозможно понять и объяснить перелом в психике Иосифа Виссарионовича, начавшийся к концу двадцатых годов и обостривший самые скверные черты его характера, если не учитывать те неприятности, которые обрушились на Сталина в личной жизни. Много сил, нервов, душевной энергии расходовал он на работе. И ему, человеку впечатлительному, замкнутому, очень нужен был домашний уют, теплая семейная атмосфера, где он мог бы сбросить напряжение, получить разрядку. Сталин очень стремился к этому, хотел иметь надежный семейный очаг и не просто красивую жену, а верного единомышленника и ласковую добрую хозяйку. Это ведь очень важно, когда есть надежный тыл, где можно успокоиться, восстановить силы. Особенно когда тебе уже под пятьдесят. Но ничего подобного у Иосифа Виссарионовича не имелось. Дома не получал он ни радости, ни вдохновения. Одна лишь дополнительная нервотрепка. И чем дальше, тем сильнее...

О своей первой жене, Екатерине Сванидзе, скончавшейся в двадцать два года от брюшного тифа, вспоминать он не любил, если говорил о ней, то с оттенком уважения, но не больше. Сожалений о её ранней кончине, горечи утраты – этого не было. И к сыну, Якову Джугашвили, относился с удивительным равнодушием, не свойственным для грузин, которые обычно очень любят своих близких, особенно детей, а уж мальчиков – наследников тем паче. Причина тут вот какая. Родился Яков в 1907 году, сразу после первой, неудачной революции, в самое трудное для Сталина время. Аресты, ссылки, подполье – Иосиф Виссарионович почти не видел сына, который рос у родственников жены, у Сванидзе, людей, в общем-то чуждых Иосифу Виссарионовичу, и сам Яков становился постепенно чужим для него.

Долгое время Сталин вел холостяцкую жизнь и, наверное, вообще не завел бы новой семьи, если бы не особый случай, получивший постепенно эту романтическую окраску. Я бы сказал – роковой случай, роковой дважды и трижды.

Представьте себе картину. Начало нашего века. Летний день на берегу теплого моря. Вдоль кромки воды прогуливается хорошо одетая женщина, рельефными формами и томной улыбкой привлекающая внимание пылких южан. Заговорила с усатым франтом и не заметила, как набежавшая волна смыла её двухлетнюю дочку. Только белое платьице мелькнуло среди мутной пены. Гибель казалась неизбежной, но тут, как в сказке, появился молодой грузин, смело бросился в кипящий вал, нырнул, нашел и вынес на берег прекрасное крохотное существо.

Думаю, всё это выглядело не столь трагично и героически, как рассказывалось впоследствии. «Было нечто подобное», – с улыбкой говорил Сталин. Дело в том, что он во всю свою жизнь так и не научился плавать, а уж нырять – тем более. Вероятно, девочка барахталась там, где воды было по колено взрослому человеку. Болтливая мамаша, чуть не прококетничавшая своего ребенка, могла потом нафантазировать невесть что. Во всяком случае, именно тогда впервые увидел Иосиф Виссарионович свою будущую жену Надежду Аллилуеву.

Шли годы. История о чудесном спасении превратилась в семейную легенду, волновавшую сердце подраставшей девочки. Да и герой легенды время от времени давал знать о себе. Вот отец Нади – Сергей Яковлевич – познакомился на конспиративной квартире с молодым, смелым революционером Сосо Джугашвили: им предстояло перевезти из Тифлиса в Баку ручной печат-

ный станок, тайно изготовленный рабочим железнодорожных мастерских. Вот в трудные годы реакции Сергей Яковлевич, занимая приличную должность в Петербурге, создает и возглавляет специальный денежный фонд для ссыльных революционеров – большевиков. Товарищам по партии, в далекую Сибирь, шли деньги, посылки с продуктами и одеждой. Такой помощью пользовались Яков Свердлов, Коба-Сталин... «Это он, тот самый!» – говорили о нем в семье.

И вот – начало июля 1917 года. Временное правительство перешло в наступление. В Петрограде расстреляна мирная демонстрация. Разгромлена редакция газеты «Правда». Ленин и другие большевики обвинены в шпионаже и государственной измене. Издан приказ об аресте Владимира Ильича.

События тех трагических дней, когда Ленин вынужден был опять перейти на нелегальное положение, когда в ЦК обсуждался вопрос, отправляться ли Владимиру Ильичу на суд, когда сам он заявил: «Я явлюсь на суд Временного правительства и добьюсь, чтобы он был открытым судом, и превращу его в суд над контрреволюцией...» – события тех трудных дней хорошо известны. Мне важно лишь вот что. Когда полиция искала Ленина по всему городу, когда шли повсюду аресты и обыски революционеров, Владимир Ильич с Надеждой Константиновной укрылись в трехкомнатной квартире заведующего кабельной электросетью Невского района Сергея Яковлевича Аллилуева и его жены Ольги Евгеньевны. Сюда же пришли вскоре члены ЦК РСДРП(б) Сталин и Орджоникидзе, другие товарищи. Тут выработывалась тактика на ближайшие дни, здесь по предложению Сталина было принято решение тайно переправить Владимира Ильича в Разлив.

Из дома вышли в сумерках, после девяти вечера. На Ленине – старое рыжеватое пальто, серая кепка надвинута на лоб – узнать невозможно. Рядом с ним шагали Вячеслав Иванович Зоф, секретарь сестрорецкой партийной организации, и балтийский матрос Юргис Стимун. Немного сзади Сталин и Аллилуев. Так проследовали до вокзала, где Владимир Ильич сел в последний вагон последнего в ту ночь поезда...

Вместе с Аллилуевым возвратился Иосиф Виссарионович на квартиру, где оставался потом еще несколько суток. По достоинству оценил он надежное и спокойное укрытие в этой семье. И, конечно, подействовал на него восхищенный взгляд шестнадцатилетней гимназистки – красавицы Нади. Взаимное чувство вспыхнуло между ними сразу. И вскоре они провели свою первую ночь в поселке Левашово, на даче. И ей и ему почему-то особенно запомнилось, что там, на полянах, в разгар лета, было много земляники.

Сталину исполнилось тогда тридцать восемь лет, но Надя не ощущала разницы в возрасте, настолько Иосиф Виссарионович был бодр, весел, полон энергии; военная форма и решительность выделяли его среди штатских людей, бывавших в семье Аллилуевых.

Родители не возражали, отец не имел решающего голоса в домашних делах, а мать – Ольга Евгеньевна, сама убежавшая с Аллилуевым (через окно, ночью, с узелком в руках), когда ей было всего четырнадцать лет, страсть как любила пикантные положения. А тут такой романтический случай: объявился спаситель Нади, ниспосланный свыше!

Тогда и соединились Иосиф Виссарионович и Надежда Сергеевна в семейную пару. И всё у них шло хорошо первые годы. Сталин любил молодую жену, ездил к Наде при каждой возможности с фронта, сам молодел рядом с ней: задорной, страстной и нежной. Будни начались позже, когда наступило мирное время. Надежда Сергеевна переехала к мужу в столицу, и они поселились в кремлевской квартире. Ну, не такие уж серые будни, а обычная се-

мейная жизнь, нисколько, впрочем, не тяготившая Иосифа Виссарионовича. Наоборот, он был очень доволен, что у него есть жена и маленький сын Вася, имеется свой собственный теплый угол. Даже привычку работать ночью и ложиться в четыре утра поломал тогда ради жены, а это нелегко далось ему. И вообще для Нади он готов был на многое. Никогда не заботившийся о своем благополучии, он вынужден был теперь «пристраивать» многочисленных родственников Аллилуевых, в том числе и их побочного клана Енукидзе. Кому-то требовалась одежда, кому-то еда, кто-то заболел и просил положить в хорошую больницу. Сталин делал и это, через силу, скрепя сердце, но делал ради жены, хотя сам ходил в одной и той же шинели, а при сильном холоде – в потертой шубе, которую привез из последней ссылки.

На многое готов он был ради любимой женщины, ради семьи, лишь бы эта женщина жила для него, для их общего благополучия. Но Надежда Сергеевна была слишком молода и слишком эгоцентрична, чтобы понять свое историческое предназначение. Ей хотелось быть самостоятельной, чем-то руководить, а не вытирать нос ребенку да заботиться об обедах для усталого мужа. Как сказал поэт: «Лицом к лицу лица не увидать...» Надо было вырасти очень умной, чуткой, самоотверженной, чтобы по достоинству оценить человека, который дома кажется самым обычным, таким, как все. Ест, спит, иной раз даже похрапывает. Одно время животом мучился. Это на службе он – организатор, идеолог, вождь, а в семье, в постели – привычный муж, со всеми человеческими недостатками и слабостями.

Странно: мы знаем, как часто сердобольные женщины отказываются от личного счастья ради больных, калек, возятся с пьяницами, с оболтусами, щедро отдавая им свое тепло, знания, эрудицию. Вытаскивают из бытовой грязи пустяковых заурядных мужчин, делая это чуть ли не с удовольствием, с гордостью обреченных на подвиг. А с другой стороны, в истории слишком мало отмечено женщин, которые столь самоотверженно служили бы большой, сильной личности. Скорее наоборот – они отравляли жизнь великим людям. Классический пример в этом отношении – Софья Андреевна Толстая. Достаточно познакомиться с её дневниками, чтобы понять: осознав разумом избранность и величие Льва Николаевича, она не восприняла душой его огромность, самобытность. Мелкая оказалась душа-то, заурядная. Самая обычная женщина, она из кожи вон лезла, чтобы проявить себя, не уразумев, что единственная возможная заслуга, единственная цель, оправдывающая её существование – быть опорой Льва Николаевича, отдать свои силы, чтобы увеличить его силы, влить задатки свои в его мощный талант. О работе бы его пеклась, о спокойствии, о здоровье. А она даже на старости лет, сидя у постели больного мужа, мечтала о своем любовнике, о духовном и всяком прочем общении с ним.

Или жена Пушкина, дофлиртовавшая до того, что мужу пришлось защищать свою и её честь на дуэли. В могилу свела величайшего поэта. А после его смерти обрела другую постель. Даже славную фамилию поторопилась сменить.

А жена Герцена, осквернившая святая святых – беременность: с ребенком в чреве изменила великому мыслителю со случайным смазливим музыкантом!

Многое мне было не по нутру в Сталине. Имелась у меня возможность удалиться от него и идти своим путем. Но осознал свое место под солнцем. Кто я? Обычный военный, образованный человек, чуть лучше или чуть хуже сотен подобных. Высший мой потолок – генерал, штабист. А Сталин – избранник фортуны, на нем лежит отпечаток истории... И уж коли выпало мне быть рядом с ним, то заботиться следует не о собственных интересах, а лишь о

том, как своими способностями увеличивать его возможности. Но такое понимание, вероятно, более доступно мужчинам, нежели женщинам. Во всяком случае Надежда Сергеевна Аллилуева редчайшей участи и счастья, выпавшего ей, своего предназначения в этом мире так и не поняла. А может, свыше определена была для нее роль не созидаящая, а сугубо отрицательная, разрушающая...

Переехав в Москву, молодая хозяйка Надя Аллилуева первое время обживалась на новом месте, возилась с маленьким Васей, радуясь самостоятельности, хорошей квартире, своему необычному положению... Можно сказать, царицей стала, ежели сравнить с недавними временами. Обстановка, конечно, поскромнее, но всё же... Потом освоилась она с новизной, притупилась острота, и пришла скука. Бойкая и общительная Надежда Сергеевна хотела бывать в компании, знакомиться, развлекаться, показывая свои способности. А в окружении Сталина встречала лишь людей солидных, остепенившихся, занятых серьезными делами. И жены у них тоже были пожилые, обремененные семейными и служебными заботами. Ей хотелось ходить по гостям, посещать увеселительные зрелища, танцевать и смеяться, а Иосиф Виссарионович был нелюдим, даже родственников Надежды встречал неохотно, через силу выдавливая улыбку. Ну и умнее, опытнее её он был многократно. Что для Надежды Сергеевны было открытием, он знал давным-давно, обсуждать известное не имел никакого желания. Что же еще оставалось: супружеская близость? Она была уже привычной, слишком обыкновенной для молодой женщины, не удивляла и не окрыляла её. Общая постель может накрепко соединить двоих совершенно различных людей, ежели они получают взаимное физиологическое удовольствие, но эта же постель способна усилить рознь, даже ненависть между супругами, первое время вроде бы довольными и счастливыми. Давала знать себя разница в возрасте, а главное – утомляемость Иосифа Виссарионовича: он мало спал, редко отдыхал, выматывался на работе до изнеможения. А Надежда Сергеевна, сидючи дома, сладко кушая и вволю отлеживаясь, только обрела женское понимание, женскую страсть: главным ощущением, мучавшим её, была острая неудовлетворенность, застилавшая всё остальное, ввергавшая в беспричинное раздражение, заставлявшая метаться, тосковать, нервничать. Особенно проявлялось это в двадцать пятом – двадцать седьмом годах, когда Аллилуева носила, а затем взращивала маленькую Светлану. Прямо бес какой-то на нее напал. Всё сильнее сказывалась в Надежде Сергеевне материнская кровь, заметней проявлялась наследственность. Скверное бра-ло верх над хорошим.

Отец её, Сергей Яковлевич Аллилуев, человек был весьма положительный. Выходец из зажиточной крестьянской семьи Воронежской губернии, он с детства показал приверженность к технике и от природы был, как говорится, мастером на все руки. Поучившись и ставши механиком, уехал на Кавказ, прокладывая железнодорожную магистраль, водил паровозы. Там судьба свела с революционерами, познакомился с марксистским учением, записался в социал-демократы. Всю жизнь потом преданно служил революционным идеалам, не гоняясь за постами и должностями. Добросовестно выполнял самую простую и самую необходимую работу: печатал листовки, собирал тайные сходки, укрывал бежавших из ссылки товарищей, снабжая их документами и, по возможности, деньгами. То есть делал то главное, без чего не могла существовать партия, не ища при этом, как и многие другие тогдашние партийцы, никакой выгоды для себя.

В революционном движении Сергей Аллилуев принадлежал к числу тех искренних, чистых людей, которых называли «марксистами-идеалистами». Столь

же искренним, цельным, идеалистичным был он и в любви, в семейной жизни. Очень мягкий, очень доверчивый, сам не способный на измену, на двуличие, он полностью доверял супруге своей Ольге Евгеньевне и, как сам сказал мне однажды, долгое время чувствовал вину перед ней. Почему? Да потому, что «соблазнил» её бежать из родного дома совсем девочкой. И невдомек ему было, что имелась другая сторона у этого приключения: рано развившаяся тифлисская девица Оля Федоренко, натура чрезвычайно сексуальная, в свои молодые годы уже с ума сходила от сладострастия и готова была броситься под первого попавшегося мужчину. А тут вежливый, симпатичный и вполне самостоятельный человек подвернулся. Как было не умыкнуться с ним.

В массе добропорядочных женщин встречаются порой особы, у которых половое влечение затмевает всё прочее. На первый взгляд они особенно не выделяются, красотой блещут далеко не все, но они словно бы пропитаны сексом, словно бы источают какие-то флюиды, возбуждающие мужчин. Во что их ни одень, они всегда будто обнажены, выпячиваются все «притягательные» места. В такую сногшибательную особу превратилась и Ольга Евгеньевна, слишком рано начавшая половую жизнь. Особенно обострились её желания после нескольких родов. У этой жгучей красавицы во взгляде, в улыбке, в походке – во всём проявлялась чувственность, затмевавшая здравый смысл: Ольга Евгеньевна не видела ничего предосудительного в своих многочисленных флиртах, в естественном, казалось ей, стремлении утолить половой голод. Что постыдного-то, если очень хочешь, не можешь сдержатъ желание?!

Я вовсе не намерен осуждать эту женщину, да и какой смысл осуждать, бранить человека за то, что ему не дано понять. Тем более, что (пусть это не покажется парадоксальным) Ольга Евгеньевна была хорошей семьянинкой, надежным товарищем Сергея Яковлевича, доброй и заботливой матерью. Гостеприимная, веселая, практичная, она помогала мужу в подпольной работе, скиталась за ним по разным городам, носила передачи в тюрьму, добивалась, чтобы выпустили на свободу. Содержала семью, обшивала, кормила, воспитывала детей: на всё её хватало. А муж редко бывал дома, особенно первые пятнадцать лет жизни. То под арестом, то выслан, то скрывается в подполье, то уехал с партийным поручением, то лежит больной после операции. И вообще не отличался Сергей Яковлевич физической силой. Вот и одолевало молодую здоровую женщину неодолимое желание, несколько раз в год случались у нее интересные «приключения», не доставлявшие, впрочем, неприятностей семье. Ольга Евгеньевна в те годы четко определяла грань, переступив которую, можно было нанести вред детям и мужу. Страсти свои она удовлетворяла тайком, «на стороне».

Право, странная жизнь этой «святой грешницы», совмещавшей самоотверженное служение семье, делу мужа с невероятными эротическими взрывами, удивительная судьба её супруга, еще более удивительные и трагические судьбы их детей – всё это интереснейший материал для романа. Книга может получиться увлекательной, поучительной и страшной. А начать бы с той наследственности, которая досталась Ольге Евгеньевне. Среди предков её числятся немцы и евреи, украинцы, грузины и турки; не считалось зазорным, что одна из близких родственниц жила в холе и неге на содержании богатого торговца табаком.

Да и сама Ольга Евгеньевна словно бы коллекционировала мужчин разных национальностей, стараясь определить, с каким занятней, приятней. Уж кто-кто, а она могла порассказать, чем отличается в постели армянин от поляка, грузин от мадьяра, грек от болгарина. К сожалению, она и рассказала об этом на закате жизни слишком охотно, не испытывая угрызений совести. Упоминала интимнейшие подробности, будто вновь переживая, смакуя испытанное когда-

то удовольствие. В конце тридцатых годов мне доводилось частенько встречаться с ней, совершать прогулки по аллеям Дальней дачи. Теща Иосифа Виссарионовича была на четыре года старше его, но выглядела очень молодо, на лице почти не было морщин. Бедрами покачивала, как этуаль на бакинской набережной. Гибель детей, полный разрыв с мужем, другие трагедии – будто не коснулись её. До самой смерти в мыслях и разговорах Ольги Евгеньевны главным образом было то, что она именвала «любовью».

«Может, черная роза не всем нравится, но как это необычно, как пикантно! – без тени смущения повествовала она о себе. – И вынослива черная роза! Какие бури, какие страсти она у меня выдержала!.. Знаете, однажды у меня было сразу двое мужчин, молодых пылких мужчин, мы совсем не спали ночь, день и еще ночь. Много было шампанского... Им удавалось задремывать по очереди, но я-то была одна. Впрочем, это было уже как во сне, но желание не исчезало, даже наоборот... Когда один из них воскликнул: “И после всего тебе даже не больно!”, у меня хватило сил горделиво усмехнуться и сказать: “Еще! Хочу еще!”»

Господи, я сквозь землю готов был провалиться от таких откровений, а она, нисколько не стесняясь, продолжала живописать достоинства своей черной розы. Но когда я, собравшись с духом, спросил, от кого же у нее дети, Ольга Евгеньевна обиделась, ответила с холодной напыщенностью: «Дети только от мужа! Ведь я католичка!»

Гм... при таком количестве любовников, да еще имея несколько мужчин сразу, попробуй понять, от кого понесла... Но возражать я не стал. Ей лучше известно. Может, организм католичек обладает в этом отношении какой-то особенной избирательностью.

Удивительно, откуда столько энергии бралось у этой невысокой, хрупкой на вид женщины – бешеной энергии, чем дальше, тем больше лишавшей её чувства ответственности перед семьей. Даже в очень трудном для питерцев холодном и голодном январе 1918 года Ольга Евгеньевна умудрилась в очередной раз «влюбиться» в какого-то венгра. Объявила больному, не встававшему тогда с постели мужу и детям, что она еще достаточно молодая женщина, ей хочется личной жизни, а не семейного прозябания. И перебралась к очередному любовнику, переложив все семейные заботы на плечи шестнадцатилетней гимназистки Нади, которая (яблочко от яблони!) вскоре сама влюбилась в человека на двадцать два года старше её и уехала с ним – со Сталиным, разумеется. А Ольга Евгеньевна, понаслаждавшись «личной жизнью», пока не надоела венгру, как ни в чем не бывало, возвратилась во всепрощающую семью. Вероятно, прощали ей потому, что считались с её патологией, влиявшей на психику.

Мне казалось, что на Сергея Яковлевича Аллилуева совершенно похожа была лишь старшая дочь Анна. Нос и рот у нее, безусловно, отцовские, да и характер столь же добрый и мягкий. Сыновья, Павел и Федор, при первом взгляде на них напоминали мать: такие же глаза, такие же губы. А Надя вообще всё унаследовала от Ольги Евгеньевны: черты лица, фигуру, походку. Белозубая красавица со смуглой кожей южанки – как мать в молодости. Только нравом построже.

К таким понятиям, как скромность, достоинство, Ольга Евгеньевна на старости лет была совершенно глуха, чем изрядно досаждала Иосифу Виссарионовичу. Он был одним из немногих представителей сильной половины рода человеческого, к кому Ольга Евгеньевна обращалась без малейшего жеманства, кокетства, но зато совершенно бесцеремонно: будто настолько ошастливила Сталина, что ему вовек не рассчитаться. Это она, дорогая теща, вывезла из Ленинграда многочисленных родственников и помогла каждому занять достойное место. «Иосиф! – требовательно говорила она. – Павлу нужна квартира. Ну что это такое, он ютится в одной комнате». Или: «Иосиф, в мага-

зине нет соли, позаботься, пожалуйста». И это – товарищу Сталину, который вершил общегосударственные и мировые дела!

Меня раздражала приземленность этой женщины, её эгоизм, но кто знает, может, Ольга Евгеньевна была определенным противовесом судьбы, переключавшим внимание Сталина на обычные житейские заботы. Это ведь тоже надобно. После её смерти никто не осмеливался поступать так. А меня, способного высказать Иосифу Виссарионовичу претензии, мелочи быта не особенно интересовали.

Дачных охранников, шоферов, прислугу Ольга Евгеньевна в грош не ставила и бранила постоянно, как заправская барыня: все боялись и сторонились её. Мужа своего, Сергея Яковлевича, во всеуслышанье крикливо упрекала за то, что он воспользовался её молодостью, соблазнил, увлек, а потом ничего не дал взамен: при её красоте, при её возможностях она, мол, достигла бы гораздо большего. (Я просто не представляю, чего еще хотела эта, извиняюсь, дама, ставшая, благодаря своей дочери, тещей великого человека? Не осознала Ольга Евгеньевна своего счастливого взлета, как не поняла этого и воспитанная ею дочь!)

В конце концов Сергей Яковлевич Аллилуев при всей своей вежливости, мягкости и деликатности настолько возненавидел супругу, а открывшиеся давние измены вызвали в нем такое презрение, что он не испытывал к Ольге Евгеньевне никаких чувств, кроме гнева и брезгливости. С конца двадцатых годов они хоть и жили в Москве на одной квартире или на одной даче, но каждый имел свои комнаты, встречались за едой, да и то не всегда. Не только физическая, но и духовная связь порвалась совершенно. Оказавшись за одним столом с Ольгой Евгеньевной, её муж в буквальном смысле слова испытывал тошноту. Может быть, еще и потому, что от нее шибало застарелой смесью острых духов, которая постоянно «обогащалась» новыми оттенками.

Конечно, Надежда Сергеевна Аллилуева-Сталина была гораздо умнее матери, глубже сознавала свою ответственность, пыталась обуздать собственные порывы. В отличие от Ольги Евгеньевны, она старалась заглушить в себе физиологическое начало. Это более или менее удавалось ей до второй беременности. Но когда понесла будущую Светлану, желание захлестнуло её, а после родов возросло еще больше, затмило, заглушило другие ощущения. А что мог дать ей поглощенный делами Иосиф Виссарионович, подумывающий о полувековом юбилее? Нежность, ласку, вспышку на несколько минут? Этого для нее было так мало.

Чувствуя унижающую его в собственных глазах неспособность удовлетворить жену, Иосиф Виссарионович раздражался, становился резким и грубым. Ну и Надежда Сергеевна тоже злилась, психовала без видимых причин.

А между тем совсем рядом находился молодой мужчина, обожаемый Надеждой Сергеевной. Семья Сталина жила неподалеку от Троицких ворот, на втором этаже кремлевского дома. На первом – семья Орджоникидзе. Там была выделена комната и для Якова Джугашвили, где он спал, занимался, играл в шахматы. Однако значительную часть дня проводил наверху. Внешне похожий на отца, Яков разительно отличался от него характером, был добр, простодушен, застенчив. Он недавно приехал из Грузии, не имел знакомых в Москве, стеснялся слабого знания русского языка, сутулости, неказистой внешности. И самым близким человеком для него стала Надежда Сергеевна. Потому что она была всего на семь лет старше Якова, потому что знала и уважала его родственников, дядей и тетей Сванидзе, потому что ей тоже скучно и одиноко было в чужом городе, в казенной квартире, где появлялись только члены семьи да пожилые соратники мужа.

Они быстро привязались друг к другу... Им было весело вместе, имелись общие интересы: Яков много читал, много знал и, когда преодолевал стеснительность, становился увлекательным собеседником. Молодой Джугашвили, до сей поры издали с благоговением поглядывавший на девушек, оказался рядом с красивой женщиной, которую ничуть не портила беременность.

Думаю, Надежда Сергеевна ничего не делала нарочно, обдуманно, чтобы привлечь Якова. Но он, почти целыми днями находясь в квартире, видел эту женщину всякой: спавшей, полуодетой, в коротеньком облегающем халатике. При нем она не стеснялась кормить грудью, когда родилась Светлана. Всё это вроде бы будничное, житейское. Ей, наверное, приятно было ловить восхищенные взгляды Якова, ощущать его волнение, трепет.

Если мне, человеку постороннему, редко бывавшему в кремлевской квартире Сталина, взаимоотношения Надежды Сергеевны и Якова Джугашвили казались необычными, то уж Иосиф Виссарионович просто не мог не заметить влюбленности Якова и благожелательности Надежды. Ничего серьезного тогда меж ними не было, однако Сталин нервничал, ревновал, постоянно находился в напряжении, что никак не улучшало его здоровья, работоспособности. Он старался возвыситься, утвердить себя в собственных глазах и глазах жены какими-то выдающимися достижениями, свершениями, а она вроде бы и не замечала дел, успехов Иосифа Виссарионовича. Он всё чаще терял душевное равновесие, столь необходимое руководителю партии, государства... (Эх, женщины, женщины!!)

Я подумывал о том, чтобы деликатно поговорить с Надеждой Сергеевной, рассказать ей, как остро переживает Сталин семейные неурядицы, да не знал, с какой стороны подступиться. С женой своей, с Катей, советовался по этому поводу. Она считала – лучше подождать. Возможно, после рождения ребенка всё уладится само собой.

Нет, не уладилось. Долго назревавший скандал произошел. Не знаю, что послужило поводом для вспышки, да это и неважно: горячего материала накопилось много, он занялся бы не от одной, так от другой искры. Надежда Сергеевна упрекала мужа в черствости: в том, что ни она, ни дети не ощущают его тепла, что он занят только своими делами, своей карьерой. Вылилось, в общем, всё наболевшее, причем вылилось в резкой скандальной форме. Возмущенный Иосиф Виссарионович сказал ей несколько грубых фраз, среди которых одна была грязная, услышанная в ссылке и не забытая. Вот тогда-то Надежда Сергеевна забрала детей и уехала к отцу, в ту пору еще жившему в Ленинграде.

Тяжело переживал Сталин ссору. Ему хотелось, чтобы он сам и всё, связанное с ним, было абсолютно правильным, безупречным, надежным. Он уже примерял для себя место в мировой истории, и вдруг – зауряднейший бытовой скандал с истерикой и побегом из дома, чего не скроешь от знакомых. А ведь он так привязан был к жене и особенно к маленькой Светлане, мысль о том, что они далеко, что он не увидит их ни сегодня, ни завтра, угнетала Иосифа Виссарионовича. Вот почему он внял моему совету и первым сделал шаг к примирению, позвонил в Ленинград.